

ГОРБАЧ — НАШ ДРУГ

РАССКАЗ

(Окончание. Нач. в №66).

— На, Горбач, — произнес Петька тихим просиющим голосом, отчего у меня в горле глухо заскрепело. Горбач медленно шевельнул губами, ткнулся в ладонь, и сухарь затрепал у него на зубах.

Так и осталась за ним клочка Горбач. Между нами завязалась дружба. В школу шли — заходили, из школы — уходили. Заходили по десять-двадцать раз на дню. И у каждого из нас находилась какой-нибудь гостиница для гнедого.

К несие Горбач окреп, и его стали запрагать. Но на тяжелые работы не допускали. Стар был и болен. Медленно и важно, не опуская горбоносой головы, он усердно волок телегу к детским яслям или к магазину.

Вечерами мы с Петькой украинской добывали лишний клочок сена, соломы и приносили нашему другу. Горбач, заведя нас, хрипло рычал, била копытом об пол и тыкался губами нам в плечо. Только глаза у него по-прежнему оставались усталыми и грустными. Видно, ему мерещилась боевая юность, дерзкие походы и добрый фронтовой хояви.

В войну зимы были долгими, холодными, метельными. Мы жили ожиданием писем с фронта. А пустоту заполняли встречами с нашим другом. Отыскать нас могли только передачи по радио от Советского Информбюро. В комнате полнотелого набивалось в такие минуты множество народу, затая дыхание, все слушали или торжественно-радостный, или овеянный печально голос Левитана. Когда наши войска занимали населенные пункты, города, мы, сломя голову, летели к Горбачу и слово в слово передавали ему последние известия.

Наступили весенние дни. Вытащили рыжие поляны, зазеленели расщепчатые жаворонки, в низины и лога побежали круто перевитые мутные ручьи. Мы водили Горбача вечерами на поляну, расластанную до горизонта от самой покотыны. Он подолгу стоял и смотрел лиловыми глазами в серо-белесую даль и тихо шевельл губами.

...Случилось несчастье. Горбач сильно захромал, и его освободили от работы.

Однажды ранним утром раздались резкий стук в окно. Я вскочил с постели, распахнул створки. Петька манил меня на улицу. Лицо у него бледное, встревоженное, губы вздрагивали. У меня сразу же защемило сердце от предчувствия какой-то беды. Я выпрыгнул из окна.

— Горбач, слышишь, Горбача... — задыхаясь, едва выговорил Чи.

— Что — Горбача?

— Маманя сказала, что Горбача должны... ну, на могильник должны. Горбача на могильник...

Не сговариваясь, мы бросились к конторе. Стали подниматься на крыльцо. С каждой ступенькой все тише и тише. Поднимались, будто на эшафот. Что будет с нашим Горбачом? Что будет с нашим другом?

Но вот и дверь предводительского кабинета. Мы остановились перед ней, не смея открыть тот же час и войти. Мы не смотрели друг на друга. Мы понимали, что за этой дверью решится судьба Горбача. И нас страшила печальная участь гнедого. Дверь показалась упрямой и тяжелой.

— Вам что, ребята?

Председатель сидел за сто-

лом и писал. Правый рукав был пуст. Не отрываясь от стола, повторил:

— Какое дело, ребята? Выкладывайте.

Крупное лицо, нос жартошковой, глаза большие, пухлые веки, лоб в глубоких морщинах. Мы так и ожидали: вскинет лохматую голову да рявкнет: «Катитесь вон, милога! Не отрывайте от работы!». Но он оинть по-доброму:

— Чего застенчились? А еще воевать собираетесь...

И тут я выпалил: — Иван Афанасьевич, нельзя такое... Нельзя такое — с Горбачом!

Петька поддержал меня.

— Горбач с фронта... И всем помогал. Мы лечить его будем. И... кормить!

Председатель отложил ручку, отодвинул лист бумаги, серьезно осмотрел нас и стал говорить:

— Такое положение, ребята: каждый клочок сена и соломы на вес золота. Даем и так половинную норму, а если по кормовым единицам считать — и того меньше. А тут — лишняя единица, пустая единица. Выклад намшему хозяйству.

— Да мы траву рвать... Траву сами будем рвать! Косить будем. Мы умеем косить. Правда, Петька?

— Правда, умеем — Он же раненый... С фронта... в один голос тараторили мы.

Иван Афанасьевич встал из-за стола, заходил по кабинету. Четыре шага в одну сторону, четыре в другую. Мы не сводили с него глаз. Пять раз прошел, шесть... семь... десять...

*Подшел к нам, остановился, помолчал. Близко-близко мы увидели в его глазах большую печаль, от которой нам сделалось совсем плохо.

— Стало быть, так. Заслужил Горбач отдых. Я с вами согласен. Походите и скажите ветеринару, чтобы оставил Горбача...

Мы выбежали из кабинета, забыв закрыть дверь, и опрометью бросились к конному двору...

Ветеринара, Семена Дворникова, мы нашли не сразу. Крантовая боковина у раскомандировки была закрыта. И будто тому не веря, Петька потрогал висючий амбарный замок. Мы стояли, не зная, где искать Семена. А найти было необходимо. Судьба Горбача в его руках. Только он мог отменить команду гнать гнедого на могильник.

К нам подошел объезчик Костя Гуськов, прозванный ребятами контриком. Бывало, по осени мы уходили в поле, забирался на плантации турнепса или гороха, а чаще всего в подгородничий, сениный на корм скоту. И как бы скрытно мы ни пробирались к заветным сытным местам, контрик почти всякий раз был тут как тут. Его хлесткий бич не раз жалил наши спины.

— Как оно ничего, плотва? — скривил контрик губы в улыбку. — Горбача вашего я на махан воробьям отправлю сейчас. Указ от Дворникова утром еще получен.

— Не-е! Председатель запрети. Иван Афанасьевич...

— Горбач фронтовой...

— Цыц, мелочь пузатая со старшими грубить... Ха-ха-а... В защиту урда пошла плотва. Да ваш Горбач на Гитлера схож. Прислушайтесь только к созвучью: Гитлер и Горбач...

— Чего свались над двовой, кобель? — мы не замети-

ли, как подошла к нам тетя Маша, заведующая свинарником. Низенькая ростом, кругленькая лицом, она снаружи походила на девочку, но голос у нее был поразительно густой и грубой. Почти мужской.

— А вот за Горбача в защиту идут, — все с той же кривой улыбкой ответил контрик. — Кормов у нас шника, а они туда же...

Горбач — добрый и мирная скотина. Еще поправится. И права ребята. — Тетя Маша одобрительно нам кивнула.

— Мы его лечить будем. Косить траву будем. — Опять нарушение... — строго сказал контрик. — Не на луну же пойдете траву косить. Вот то-то, плотва... А вон и скотской бог идет. Он вам сейчас разъяснение по полной форме сделает. Плотва вы эдакая...

Дворников вернулся с фронта всего с полгода назад, был без ноги и ходил на деревянной ступе.

— Семен, разъясни плотве сопливой, что Горбача заделали на могильник, — контрик довольно окинул нас строгим взглядом прищуренных глаз.

— В чем дело, ребята? Чем полезны могу быть? — спросил глухим, недобрым голосом.

Мы наперебой стали объяснять, что нас привело на конный двор. Затая дыхание, следили за каждым движением ветеринара. Дворников помолчал, о чем-то серьезно подумал и спросил:

— Знаете, что такое дисциплина? К тому же в военное время?

— Знаем! Как же?

— Знает она — черта с два! — озлобленно рявкнул контрик. — Все поля превратили в постель. Ни днем ни ночью мне от них покоя. — Тети Маша зло посмотрела на контрика и пошла прочь от нас. Я с сожалением посмотрел ей вслед. Все-таки была лишняя защита.

— Так вот, ребята, я получил указание от самого хозяина, командира нашего (он имел в виду председателя), распоряжение снять с пайка нетрудоспособных. Имею ли я право осуждаться? Долой вот оно, Дворников сочувственно потрепал Петьку по голове, добавил: — А слово к делу не пришьешь.

— Мы сейчас. Мы живо! Мы к Ивану Афанасьевичу...

Только обогнули конный двор, как увидели: навстречу шел председатель Иван Афанасьевич. Мы подлетели к нему, хотели выложить свою обиду, но он поднял руку, остановил нас на полуслове:

— Понимаю. Понимаю, ребята. Я забыл вам документ выдать. Ну, пойдемте, отбланируем вопрос. Хотя я и не люблю отменять свои распоряжения, но здесь случай особенный... Особенный... И не одних вас ради... Приходите еще ко мне...

До его дня в памяти сохранилась картина. Вдоль поляна. Большая... Зумил. Рыжие солдце. Одиноко... Идем... странствие... близкий воздух. Чистый и безветренный. На рыжей плбне неподвечно стоит худой, горбоносый Горбач и задумчиво смотрит в даль.

Может, он все понимал и думал о человеческой доброте.

П. ШМАКОВ

Зам. редактора
А. В. СЕМЕНОВ.

652440, п. Крапивинский, ул. Советская, 6. Телефоны: редактора 1-09, зам. редактора 1-11, ответственного секретаря 1-02, заведующего отделом народного хозяйства и экономки 1-08, отдела культуры, быта и писем 1-16, бухгалтерии 1-12, типографии 0-70.

Крапивинская типография Кемеровского полиграфкомбината управления издательства, полиграфии и книжной торговли Кемеровского облисполкома. Тираж 4452. Заказ 845.